

УДАЧА ДИКИ ХАРДИНГА

ЭДИТ НЕСБИТ

ИЛЛЮСТРАЦИИ РОБЕРТА МИЛЛАРА

КАРЬЕРА ПРЕСС
МОСКВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Бубенчик и цветок подлунника

Дики жил в Нью-Кроссе. Точнее говоря, адресом его значился Нью-Кросс, хотя на самом деле жил он в домишке из череды таких же домишек, выстроившихся в ряд на косогоре, где некогда сбегали с холма вниз, к реке, зеленые поля и среди нарядных цветников и плодоносных садов величаво возвышались старинные дома купцов из Дептфорда. Но нынче от этих зеленых полей и тенистых садов не осталось и следа. Словно рука какого-то злого исполина схватила гигантскую кисть, окунула ее в желтую охру, а после — в краску цвета грязи и провела поверх зеленого цвета тоскливо-желтые и тошнотворно-коричневые полосы, окрасив в коричневый дороги, а в желтый — дома. Мили и мили дорог и домов, и ни единого зеленого пятнышка, разве что попадет на глаза кочан капусты в лавоч-

ке зеленщика или мелькнет на грязном подоконнике ящик с бессильно поникшими листьями вербейника. На задах у каждого домика имеется дворик; его называют садом, и порой в этом саду и впрямь растет что-то зеленое, но увидеть его можно лишь из окон задней части дома. При взгляде с улицы садов не увидеть. И все же они зеленеют, потому что для человеческого глаза зеленый — самый приятный и вдобавок успокаивающий цвет, и как бы тяжело ни вынуждены были работать жильцы этих домов, какие бы гроши ни платили им за их труд, среди них нет-нет да и найдутся люди, которые готовы потрудиться лишку и вовсе даром, лишь бы только вырастить у дома какую-нибудь зелень.

Однако в садике при доме, где жили Дики и его тетушка, не было ни единого пятнышка зелени. Были только камни, да кости, да обломки кирпичей, да старые засаленные кухонные полотенца, от жира и грязи слипшиеся в один ком, старые рукоятки метел, сломанные совки, ведро без дна и заплесневелая старая клетка, в которой некогда жили кролики. Кролики были очень давно, Дики их не застал. Как-то раз один мальчик принес в школу бурого кролика, спрятанного за пазухой, и даже позволил Дики несколько минут подержать в руках, но тут учитель заметил творящееся безобразие и до конца уроков запер кролика в шкаф. Так что Дики знал,

каковы кролики с виду. И любил остатки клетки ради того, кто некогда в ней обитал.

Когда же тетушка продала то немногое, что осталось от клетки, человеку с тележкой, который покупал все, что угодно, и забрал даже ведра и совки, и дал за все вместе три шиллинга, Дики грустил почти так же, как если бы в клетке и впрямь жил его пушистый друг. И Дики ненавидел человека, который увез клетку, тем более что на задней стенке тачки у того сиротливо болтались кроличьи шкурки.

С исчезновения клетки для кроликов и началась эта история. Ведь именно после этого Дики обозвал свою тетушку Чудищем и ударил ее маленьким, перемазанным в грязи кулачком, и был крепко отшлепан и выставлен в опустевший двор, чтобы, как сказала тетушка, «вернуться в разум». Дики бросился наземь, и зарыдал, и забил ногами от отчаяния и боли, страстно желая, чтобы... ах, да много чего.

— Чтой-то ты развопился, — спросил вдруг Человек Из Соседнего Дома, — трепку, что ли, заработал?

— У меня клетку увезли, — сказал Дики.

— И что с того, она ж и так пустая стояла.

— А я не хотел, чтоб ее увозили, — всхлипнул Дики.

— Зато и места больше стало, — сказал Человек

Из Соседнего Дома, налегая на лопату. Дело было субботным днем, а соседский сад как раз принадлежал к числу тех, в которых росла зелень. Были там и мелкие невзрачные нарциссы, и замарашки примулы, и беседка у кадушки с водой — в это время года еще не увитая зеленью, но беседка все-таки была самая настоящая. И куст бузины, который жарким летом покрывался большими и плоскими, словно тарелка, белыми цветами. И куст сирени, весь усыпанный темно-лиловыми бутонами. Как это было красиво!

— Слышь, парень, ты ныть-то брось. Брось, я сказал! Как я, спрашивается, могу копать, когда ты тут вопишь как резаный? — спросил Человек Из Соседнего Дома. — Вставай, вставай, топай к своей тетке да скажи, что я могу малость и о ее садике позаботиться, если она не против. Так, заглянул бы разок-другой, как выпадет минутка. Уж я такую красоту наведу, сам увидишь.

— Еще чего! — сказал Дики и встал.

— А, вернулся в разум? — фыркнула тетушка. — То-то же. И попробуй только еще раз устроить мне такое безобразие, понял? Совсем распоясался!

Дики сказал, что должен был, и снова вернулся в «сад».

— Она говорит, что у ней нет времени на всякую ерунду, а если вам своего девать некуда, делайте что хотите, ей-то какое дело.

— Что-то ты совсем извозился, — сказал Человек Из Соседнего Дома, наклонился и вытер Дики лицо платком, который едва ли был намного чище этого самого лица. — Ну так я сразу и начну.

Он перекинул ногу через забор.

— А ты пошуруй вокруг да поищи каких газет или журнальчиков. Как твоя тетка в следующий раз уедет пить чай с королевой, мы устроим костер.

— На пятое ноября? — спросил Дики, присел и стал сгребать мусор, покрывавший землю.

— Хоть ноября, хоть мая, лишь бы ее тут не было, — ответил сосед и взялся за лопату. — Ишь, земля-то твердая как камень. Ничего, потихоньку, полегоньку вскопаем, семена посеем, цветочков понатычем, загляденье будет — глаз не оторвать.

— У меня есть полпенса, — сказал Дики.

— А я дам еще столько же. Бери-ка ты ноги в руки да топай за семенами, понял?

И Дики отправился в путь. Шел он медленно, потому что был хром. А хром он был потому, что тетка уронила его, когда он был еще младенцем. Она была не очень-то добрая женщина, и я с радостью признаюсь, что больше о ней здесь почти ничего не будет сказано. И все-таки, когда у Дики умер отец, она оставила мальчика у себя, а ведь могла бы отдать его в работный дом. Она и теткой-то ему не была, а лишь заправляла всем в доме, где снимал жилье его

отец. И когда она оставила Дики у себя, она поступила по-доброму, хоть и не была особенно добра к мальчику. И поскольку больше ничего хорошего я о ней сказать не могу, то довольно и этого. У Дики имелся маленький костыль, сделанный из черенка для метлы и подрезанный по росту, и с этим костылем он ходил довольно быстро, даже будучи хромым.

Он нашел лавочку, где торговали зерном в розницу, — чудесное место, где пахло конюшенной и стояли огромные пыльные бочки, за которыми было бы так славно прятаться при игре в прятки. Над бочками висели шкафчики с квадратными выдвижными ящичками, на которых было написано «Репа», «Конопля», «Для канареек», «Просо», «Горчица» и тому подобное; а еще выше, над шкафчиками, висели картинки с животными, для которых предназначался товар лавочника. Тучные коровы с квадратными боками жевали «Корм для крупного рогатого скота производства Барли», толстенные шерстяные тючки на ножках кормились «Душистым овечьим кормом от Овиса», а лучше всего были яркие, в великолепном шелковистом оперении попугаи всех цветов радуги, черные глазки которых блестели восторгом при мысли о великолепных свойствах «Искусно составленной птичьей смеси П. П. Гая».

— Дайте мне, — сказал Дики, перегнувшись че-

— ДАЙТЕ МНЕ, — СКАЗАЛ ДИКИ, —
ДАЙТЕ МНЕ ВОН ТОГО НА ПЕННИ!

рез стойку и указав грязным пальцем на это чудо, — дайте мне вон того на пенни!

— А пенни у тебя есть? — недоверчиво спросил хозяин лавочки.

Дики продемонстрировал монеты, монеты перешли из рук в руки, и по дороге домой мальчик прижимал к груди бумажный пакет, полный хрусткой надежды.

— Э-хе-хе, — сказал Человек Из Соседнего Дома, — да это и не семена вовсе. Это ж корм для попугаев.

— Там было сказано, что это искусно-чего-то-там птичья смесь, — приуныл Дики. — Я думал, из них вырастут цветы, которые с виду как птицы — ну, попугаи, вот такого же цвета, разве нет?

— Может, и вырастут, — не стал спорить Человек Из Соседнего Дома. — Вот здесь краешек перекопаю, тут их и посадим. Что-нибудь да вырастет, глядишь, и будет чем полюбоваться.

Итак, семена были посеяны, а Человек Из Соседнего Дома пообещал, что даст еще два пенса потом на настоящие семена. Кроме того, он выкопал у себя в саду и принес две примулы, мордочки которых так и просили, чтобы их умыли.

Это был замечательный день. Ночью, лежа в постели, Дики во всех подробностях описал этот день своему единственному наперснику, от которо-

го ничего не скрывал. Наперсник не ответил, но не потому, что ему было все равно, — нет, Дики знал, что он слушает. Его наперсником была почерневшая палочка дюймов пяти в длину, с маленькими почерневшими бубенцами вроде тех, какие пришивают к собачьим ошейникам. На конце у палочки имелась загогулина, белесая и очень твердая, — ее так приятно было сосать, или поглаживать пальцами, или ковырять ею мыло. Дики не знал, что это за штукавина. Ее отдал мальчику отец в больнице, куда Дики привели попрощаться. А прощаться он должен был потому, что на стройке отец упал с лесов, да так и не оправился.

— Никому не отдавай, — сказал отец, до ужаса чистый, лежавший в странной кровати в ряду таких же чистых кроватей, — это твое, только твое. Мне эту штуку подарил мой отец, а до него она была у его отца. Смотри же, никому не отдавай. Одна старуха сказала деду, что эта штукавина принесет нам удачу. Ну, бывай, дружище.

Дики запомнил каждое слово и сохранил сокровище. Когда-то при нем имелась еще одна вещица, привязанная веревочкой. Но тетка Мод нашла ее и забрала, сказав, что «позаботится» о ней, и больше Дики эту вещицу не видел. То была медяшка с белым камнем, в котором был вырезан некий узор. Дики хранил свое сокровище, понятия не имея о

том, что оно собой представляет, — и колокольчики, которые так приятно позвякивали, и белый кончик, такой гладкий и такой твердый. Он не знал — но я знаю. То была погремушка, старинная детская погремушка, — или, если хотите, «коральчик с колокольчиком».

— И там будут расти самые прекрасные цветы гор и долин, — шептал Дики, уютно свернувшись в грязных простынях, — и травяной ковер укроет землю. Ах, Бубенчик, милый, как красиво будет! Все цвета радуги небесной, а вокруг живая творная зеленая листва. Какой хороший этот Человек Из Соседнего Дома! У него поистине золотое сердце.

Да, именно так говорил Дики со своим другом Бубенчиком. А ты помнишь, что с теткой и с Человеком Из Соседнего Дома он говорил совсем иначе. Но знаешь ли ты, что почти все дети умеют говорить по меньшей мере на двух разных языках, даже если у них не было французской няни и самим им не довелось побывать в чужих краях, — не думай, что ты единственный из всех способен на такое.

Потому что таких, как ты, — много. Родители и опекуны были бы весьма удивлены, узнав, что прелестный малютка Чарли, который говорит на языке папеньки и маменьки, знает и второй — тот, на котором он говорит с кухаркой и горничной. И даже третий — с истинно уличным произношением, —

к которому прибегает, чтобы перекинуться словечком с чистильщиком обуви и конюшонком.

Впрочем, Дики учил второй язык по книгам. Учитель в школе дал ему шесть книг: «Дети Нового Леса», «Квентин Дорвард», «Херевард Бдительный» и еще три, все — в бумажных обложках. Книги эти открыли Дики целый новый мир. А поскольку люди в этих книгах говорили красиво, хотя и странно, Дики не видел причин, почему бы ему и самому не говорить так же — по крайней мере, с другом, которому он доверял.

Надеюсь, ты еще не заскучал.

Видишь ли, если я не расскажу тебе о том, что за мальчик был Дики и как ему жилось, ты не поймешь, откуда взялись все его приключения. А приключения ждали его впереди — множество приключений, — и ты сейчас сам все узнаешь.

Дики проснулся веселый, как весеннее солнышко, которое тщетно пыталось приветствовать его сквозь грязные окна.

— Может быть, сегодня мы снова поработаем в саду! — сказал он и вскочил с постели.

Вскочил он с постели в грязной и неудобной комнате, где и оделся. Однако вечером того же дня раздевали его уже заботливые, чистые руки, и мыли в большой ванне, до половины наполненной горячей серебристой водой, и терли мылом, которое

пахло лесопилкой в конце улицы. А все потому, что глупая его голова была полна мыслей об «Искусно составленной птичьей смеси» и о цветах ярче радуги, и оттого по пути в школу он не заметил под когтем банановой шкурки, поскользнулся и упал, и бедную его хромую ногу пересекло повозкой мясника. Больную ногу пришлось везти в больницу, и Дики, разумеется, поехал с ней вместе, и оказалось, что больница похожа на рай, о котором он читал в своих книгах, и что ничего подобного он в жизни своей еще не видывал.

Он подметил, что сестры милосердия и врачи говорят словами, похожими на те, которые он читал в книгах, и голосами, каких не услышишь нигде больше; и потому, когда на следующий день улыбочивая и круглолицая леди в белом чепце сказала:

— Ну, Томми, как мы себя сегодня чувствуем? — он ответил:

— Имя мое отнюдь не Томми, и я Благо Денствую в Изо Билии и благодарю вас, милостивая госпожа.

И леди рассмеялась и ущипнула его за щеку.

Когда они познакомились получше, она узнала, где он научился так говорить, и принесла ему еще книг. Из этих книг Дики узнал еще больше новых слов. В больнице все были к нему очень добры, однако, когда его отправили домой, хромая его нога

была закована в тяжелый сапог с отвратительной толстой подметкой и железными штуковинами, которые тянулись вверх по голенищу.

Тетя и ее друзья сказали:

— Как они добры! — но Дики возненавидел сапог. Мальчики в школе смеялись над ним, — к костылю они давно привыкли, — и это было даже хуже прозвища Старикашка Колченог, к которому Дики тоже уже давно привык — так привык, что считал его чем-то вроде своего второго имени.

В первый же вечер после возвращения из больницы он обнаружил, что его обокрали. В постели, там, где в углу разошелся шов на тюфяке, было устроено мягкое ватное гнездышко для Бубенчика, но лучшего друга Дики в этом гнездышке больше не было.

Дики был достаточно умен и не стал задавать лишних вопросов. Вместо этого он стал искать, и искал по всему дому, по всем пяти комнатам. Но Бубенчика нигде не было.

Он нашел другое — на следующий день, когда тетка ушла за покупками, Дики залез в ящик комода, и у дальней его стенки, между грязных тряпок, прищепок, веревок, пробок и легкомысленных книжонок, обнаружил картонный квадратик.

Это была закладная квитанция, и написано на ней было: «Погремушка. Один шиллинг».

Дики отлично знал, что такое закладная квитанция. Ты, конечно, о них и не слыхивал. Что ж, попроси кого-нибудь из взрослых тебе объяснить, потому что я не хочу отвлекаться, а вместо этого продолжу свой рассказ.

Покуда он не нашел квитанцию, он не мог думать ни о чем, кроме как о Бубенчике. Он не вспоминал даже о своем садике и об «Искусно составленной птичьей смеси» и не гадал, выросли ли уже из семян цветы, похожие на попугаев. Он пробыл в больнице очень долго, и на дворе стоял август. Сестры милосердия заверили его в том, что семена должны были давным-давно прорасти, и, вернувшись, он непременно найдет свой сад в цвету.

И Дики отправился в сад. В дальнем его углу виднелся пятачок буйной зелени, а соседний сад зарос сорняками. Человек Из Соседнего Дома уехал искать работу в Эшфорд, на хмельники, и дом ждал новых хозяев.

Там, где была посеяна «Искусно составленная птичья смесь», из зелени проглядывали немногочисленные хилые розовые и желтые цветочки. А над ними, высоко-высоко — в три роста самого Дики, не меньше, — возносился еще один цветок, огромный, как подсолнух, но только белого цвета.

— ЭТО, КОНЕЧНО, ПОДУННИК, — СКАЗАЛ ОН.

— Вот это да, — сказал Дики, — да он с тарелку размером!

И Дики был прав. Цветок стоял прямо и горделиво, и кремово-белая его голова смотрела на солнце.

— Стебель у него прямо как дерево, — сказал Дики, и снова был прав.

У цветка были огромные мягкие листья, из-под которых торчала дюжина белых цветков поменьше на длинных стеблях, но не таких толстых, как у главного подлунного цветка.

— Ну конечно, это подлунник, — сказал Дики, — как подсолнух, только белый. Какой он красивый! Какой красивый! Какой красивый!

Впрочем, он недолго любовался красотой подлунника, поскольку теперь у Дики было дело. Тем или иным путем, но он должен был добыть шиллинг. Ведь только с шиллингом он мог бы обменять картонный квадратик с надписью «погремушка» на своего единственного друга, Бубенчика. Без шиллинга у него ничего бы не вышло. (Это тоже часть гадкой магии залоговых квитанций, попроси хорошенько взрослых, чтобы они тебе объяснили.)

— Заработать своим трудом я не могу, — сказал себе Дики, — кто же даст мне поручение или отправит с запиской, если для этого можно нанять

мальчика с двумя здоровыми ногами. Нет, тут у меня ничего не выйдет. Вот если бы что-нибудь продать!

Он оглядел двор — там, где Человек Из Соседнего Дома не успел вскопать землю, стало, казалось, еще грязнее и противнее. Во всем дворе не было ничегошеньки, что кто-нибудь пожелал бы купить, не было уже даже кроличьей клетки. Вот только... ну конечно! Подлунники!

Из плоски за кухонной раковиной Дики взял старый источенный нож, который лежал там посреди картофельных очистков, словно цветок в гуще листвы, и аккуратно срезал полдюжины цветов размером поменьше. С этими цветами он похромал на вокзал Нью-Кросс, встал у входа, опираясь на костыль, и выставил цветы перед собой, на виду у всех тех многочисленных пассажиров, которые потоком лились из дверей вокзала после прибытия очередного поезда — темные, плотные толпы усталых людей, которые так торопились домой, к чашке чаю, что не нужен им был ни мальчик, ни его цветы. Хотя цветы все же притягивали взгляды — очень уж они были красивые, эти цветы, белые, словно кувшинки, но плоские — в точности как подсолнухи, — с серединками чистейшего золотого цвета.

— Ух, красотища! — говорил порой один человек в черном другому, а тот отвечал:

— Ага. Чего? Да ну их! Шевели ногами!

Дело было плохо. Дики устал, а цветы начали вянуть. Он повернулся было, чтобы уйти домой, но тут ему вдруг пришла мысль, от которой кровь бросилась ему в лицо. Он снова развернулся и направился напрямиком к ломбарду. На картонке был адрес, и, разумеется, Дики затвердил его наизусть.

Он отважно вошел прямо в дверь, над которой снаружи висели три красивых золотых шара, а в витринах были выставлены разнообразные хорошенькие вещицы — кольца, цепочки, броши, и часы, и фарфор, и шелковые носовые платки, и гармоника.

— Слушаю вас, молодой человек, — сказал толстый джентльмен, стоящий за прилавком, — чем могу помочь?

— Я хочу заложить цветы, — сказал Дики.

Толстый джентльмен оглушительно захохотал и хлопнул себя толстой рукой по толстой ляжке.

— Вот это ты придумал так придумал, — сказал он, — ловко придумал, в жизни ничего подобного не слышал. Да только цветы завянут куда раньше, чем ты за ними вернешься, глупыш.

— Зато пока они свежие, они будут у вас, — вежливо заметил Дики.

— И сколько ты за них хочешь? Особой ценности в них нет. Хотя, впрочем, если так подумать, я таких и не видывал никогда, — сказал владелец ломбарда; он жил в хорошеньком доме с садом в Брокли и сам увлекался садоводством, но поджентльменски, так, чтобы никто не заподозрил, будто он не в состоянии нанять садовника.

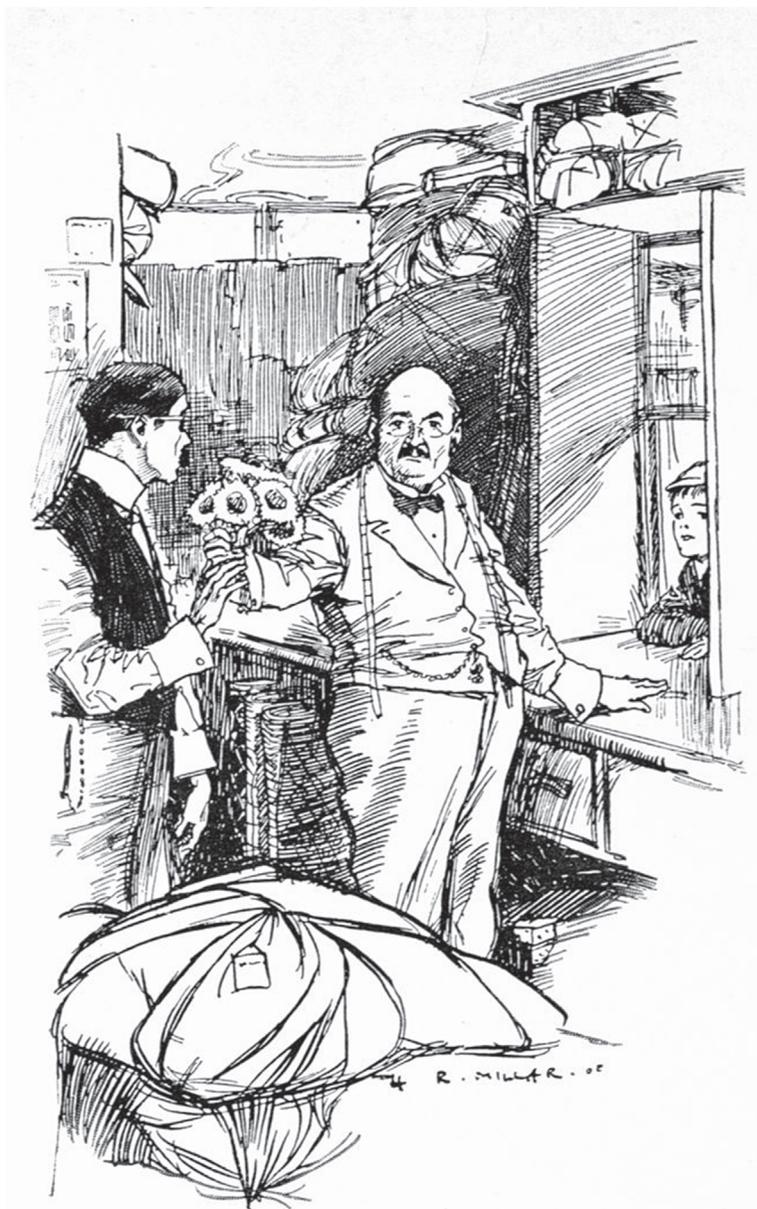
— Это подлунники, — сказал Дики, — и я хочу заложить их, чтобы забрать кое-что другое.

— Есть у тебя квитанция? — спросил джентльмен, проницательно догадавшись, что Дики желает выкупить некий предмет.

— Да, — ответил Дики, — и это моя собственная погремушка, потому что папа мне ее отдал перед смертью, а тетя Мод заложила ее, пока я лежал в больнице.

Владелец ломбарда внимательно изучил квитанцию.

— Ладно, — сказал он наконец, — давай сюда свои цветы. Не так уж они и плохи, — добавил он, поскольку теперь цветы принадлежали ему, и ему хотелось их похвалить (ведь тот, кому принадлежит вещь, смотрит на нее совсем другими глазами, не так ли?). — Эй, Хэмфрис, поставь цветы в кувшин с

— ЭЙ, ХЭМФРИС, ПОСТАВЬ ЦВЕТЫ
В КУВШИН С ВОДОЙ.

водой, я заберу их, когда пойду домой. И принеси-ка вот это.

Из задней части магазина, видом напоминающей темную пещеру, вышел бледный юноша в очках, принял у хозяина цветы и квитанцию и вновь канул в пещерную темноту.

— О, благодарю вас! — горячо воскликнул Дики. — Память о вашей несравненной доброте навеки будет жить в моем сердце, и я непременно отплачу вам сторицей!

— Не говори глупостей, — сказал хозяин ломбарда, слегка покраснев; повисла неловкая пауза.

— Это не глупости, я серьезно, — сказал наконец Дики, и видно было, что говорит он искренне. — Вот увидите. Я читал в одной художественной книжке с баснями про льва — царя зверей и мышку, которая мала и непритязательна, и, если вы ее не знаете, я вам сейчас повендаю.

— Чудной ты парнишка, как я погляжу, — сказал хозяин. — Где ты выучился так говорить?

— Энтю в книжках так положено, — ответил Дики, неожиданно для себя перейдя на язык тетки. — Мне подумалось, раз вы из богатых, так, может, поймете. Ошибка вышла. Вы уж не серчайте.

— То есть когда ты хочешь, то можешь говорить по-книжному, а потом вдруг раз, и уличным говором?

— Я умею изъ-яс-ня-цца как лорды и леди, — сказал Дики, выговаривая слова на уличный манер, — и будучи тронутый вашей снисходительностью, хотел выразить свои чуйства приличествующим случаю образом.

— Значит, читать любишь?

— Полагаю, что да, — сказал Дики, и больше неловких пауз в их разговоре не случилось.

Бледный юноша принес нечто завернутое в кусок чистой холстины и шепнул владельцу ломбарда несколько слов. Владелец развернул холстину и присмотрелся к погремушке.

— Да, — сказал он, — действительно красивая вещица, не поспоришь.

— Правда? — сказал Дики, будучи тронут такой похвалой, которой удостоился его драгоценный Бубенчик.

— А ведь у меня есть еще одна вещица с таким же гербом, как и на погремушке.

— Гербом? — спросил Дики. — Герб — это же который на шлеме, в пылу сражения за башню Неймен?

Хозяин ломбарда объяснил ему, что гербы давно уже помещают не только на шлемы, но и на самые неожиданные вещи. И странный маленький зверек, ясно процарапанный на боку погремушки, — это, по всей видимости, как раз и есть такой герб.

— Вот что, Хэмфрис, — сказал он, — начисти хорошенько, а потом носи сюда оправу.

Бледный юноша взял розоватый порошок, щетку и бархотку и что-то такое проделал с Бубенчиком, а его хозяин в это же время сложил вместе сломанный пополам белый сердолик.

— Он выпал из оправы, — пояснил хозяин, — и я его тебе, пожалуй, подарю.

— О, — сказал Дики, — вы поистине благодарный человек!

И он опер костыль о прилавок, чтобы молитвенно сложить перед собою руки, как делали мальчики в его книжках.

— Мой парень посадит камень на клей, — продолжал хозяин ломбарда, — и положит в коробочку. Не трогай его до завтрашнего дня, чтобы схватилось как следует. Да смотри, не пытайся оттиснуть печать на сургуче, не то клей растает. Я так думаю, эта штука принесет тебе удачу.

(Так оно и вышло; да только удача была такова, какую хозяин ломбарда и вообразить бы не сумел. Впрочем, не будем забегать вперед.)

Дики вышел из ломбарда без цветов, зато с Бубенчиком, который сиял ясным блеском и был «из чистейшего серебра, парень, так что смотри, не потеряй», а также с печатью белого сердолика, бережно уложенной в прочную картонную коробочку с

металлическими уголками. Кроме того, Дики достались «Легенды Инголдсби» с истрепавшимся корешком и «Английская история миссис Маркхэм» вовсе без корешка.

— Ты должен и впредь развивать свой мозг, — наставительно произнес хозяин ломбарда. Он очень гордился своей добротой. — Заходи ко мне еще — ну, скажем, в следующем месяце.

— Непременно, — пообещал Дики. — Тысячу раз призываю на вас благословение за ваше доброе сердце. Я обязательно вернусь. Нет, правда, вы хороший человек! Спасибо, спасибо! — я обязательно прочту ваши книги и перескажу вам все, о чем там говорицца.

— «Говорится», — поправил его хозяин ломбарда, — это так произносицца. Ну, беги, паренек, жду тебя через месяц.

Однако через месяц Дики оказался совсем в другом месте, которое не имело ничего общего с ломбардом, и был с ним человек, ничуть не похожий на хозяина ломбарда, а сам хозяин тем временем ухаживал за своим уединенным садом в Брокли, как то подобает истинному джентльмену.

Дики направился домой — тетка все еще не вернулась. Из книг он знал, что сокровища следует прятать под отстающей доской пола, если, конечно, в вашем доме не имеется потайной ниши за стеной

панелью (у Дики не было). А вот отстающая доска у него в комнате имелась — в этом месте специальный человек «проверял газ». Дики поднял доску и как можно глубже затолкал под нее свои сокровища, чувствуя под пальцами шершавость и крошку дранки и штукатурки.

Он едва не опоздал. Не успела доска встать на место, как тишину разрезал голос тетки.

— А ну, спускайся сюда, негодник! Я слышу, как ты там топаешь! Спускайся сию же секунду да сбегай за дровами на полпенни — как я, спрашивается, должна чай ставить без дров, а?

Дики спустился, тетка отвесила ему легкий шлепок, вручила полпенни, и мальчик послушно поковылял за дровами.

Вернулся он очень нескоро. Дровами и углем торговали в лавке без окон, с одними только ставнями, которые закрывались на ночь, однако по пути к ней Дики увидел кукольника с театром, Панчем и Джуди. Он никогда прежде не видывал кукольного театра, и потому ему стало ужасно интересно. Ему страшно хотелось увидеть, как кукольник развернет свой театр и все его чудеса, и он пошел за ним, забыв себя, улица за улицей; и лишь когда выяснилось, что кукольник вовсе не собирается давать представление и попросту идет домой, в старый каретный сарай, где его ждала постель,

Дики вспомнил про дрова; монета в полпенса, которую он крепко сжимал в кулаке, мягко упрекала его за забывчивость.

Он огляделся и понял, что не знает, где оказался. У ворот конюшни на дворе, где жил кукольник со своим театром, отдыхал худой и долговязый человек в лохмотьях. Он вытащил изо рта глиняную трубку и произнес:

— Что стряслось, приятель? Заблудился?

Дики объяснил, что с ним произошло.

— Я живу на Лавендер-террас, — завершил он свой рассказ. — Лавендер-террас, Розмари-стрит, Дептфорд.

— Я и сам туда направляюсь, — сказал человек и отлепился от стены. — Можно и на лодке доплыть. Ты когда-нибудь плавал на лодке?

— Нет, — ответил Дики.

— А хочешь?

— Можно, — сказал Дики.

Было очень приятно стоять на парходике, который торопливо пыхтел, расталкивая воду, фыркал и гудел, а внутри у него что-то билось, как будто великанье сердце. Задул свежий ветер, и человек в лохмотьях подыскал для мальчика укромный закуток за трубой. Закуток был такой укромный, а ветер — такой сильный, что Дики сморил сон. Когда он проснулся и спросил:

— Я что, спал? — парходик уже стоял у причала в каком-то незнакомом месте, где росли деревья.

— Приехали! — сказал человек. — Ты что же это, уснул? Вот еще! Просыпайся, парень, просыпайся; тут мы сойдем.

— Разве это Дептфорд? — спросил Дики, и люди, которые, толкаясь и переругиваясь, сходили с парходика на пристань, засмеялись, услышав его слова.

— Не совсем, — ответил человек, — но это ничего. Нам здесь сходить. Ты ж еще даже чаю не попил, малец.

Это было самое замечательное чаепитие, какое только мог представить себе Дики. Яичница с беконом (ему — с одним яйцом, человеку — с тремя), хлеб с маслом (ломти хлеба были толстые, а слой масла — еще толще), а чая сколько угодно, только попроси. Когда трапеза была окончена, человек спросил Дики, не согласится ли тот с ним прогуляться, и, когда Дики согласился, они дружески зашагали бок о бок.

— Мне так понравилось, от всей души благодарю вас, — сказал через некоторое время Дики. — И чай, и все остальное. И яичница. И тут так красиво, я никогда такого не видел. Но мне надо домой. Мне и так влетит. Она ведь ждет меня с дровами, чтобы вскипятить чайник.

— Мать?

— Тетя. Не родная. Просто я ее так зову.

— Хорошая?

— Ничего, когда не злится.

— Уж на этот раз она разозлится, да еще как. Попал ты, парень, как кур в ощи́п. Это ж надо, сколько часов мы уже знакомы! Погляди, вон и солнце садится.

Солнце и впрямь садилось, заходя за деревья, красивые, каких Дики никогда еще не доводилось видеть, ведь путники шли теперь по проселочной дороге, по бокам которой тянулись живые изгороди, а за ними зеленели травы, а из трав глядели маленькие кругленькие цветочные рожицы — даже Дики знал, что они зовутся маргаритками.

— Мне все равно надо домой, — грустно сказал Дики. — Я лучше пойду.

— А я бы на твоём месте не ходил, — сказал человек. — Я б лучше отправился в путешествие да поглядел мир.

— Кто — я? — спросил Дики.

— А что в этом такого? Слушай, как на духу: вот что я тебе предлагаю. Пойдем со мной, повидаешь жизнь. Я собираюсь прошагать до самого Брайтона и обратно, по берегу моря. Ты море хоть раз видел?

— Нет, — сказал Дики. — О, нет... никогда.

— Ну так идем со мной. Я ж тебя не лупил, а тетка, поди, лупцует почем зря. Я тебя прокатил на лодке, хоть ты и уснул, а потом напоил таким чаем, какой не стыдно подать самому королю. Что, скажешь, нет?

— Это правда, — сказал Дики.

— Значит, ты теперь знаешь, что я за человек. Так что вот тебе мое честное предложение. Пойдем со мной, и ты будешь мне сынок, а я буду твой папаша, а уж отец из меня выйдет неплохой, за это поручусь, не хуже, чем настоящий. Ну, что скажешь, дружок?

Он был такой добрый, так сердечно обращался с мальчиком и обещал такие замечательные приключения, о каких Дики не мог и мечтать...

— Это вы здесь хотите путешествовать? — спросил Дики, поглядев на живую изгородь.

— Когда здесь, а когда рядышком, — сказал человек. — Пойдем себе не спеша, да и выйдем на берег, куда богачи приезжают отдохнуть. Они скуписья не будут. Да и тебе не помешает подышать свежим воздухом, ишь, какой бледненький, что твоя известка. Ну, решай же. Что скажешь? Договорились?

— Вы очень добры, — сказал Дики, — но что побудило вас сделать такое предложение? Это

обойдется вам недешево — в смысле провизия, чтобы меня прокормить. Зачем вам это?

Человек почесал в затылке и задумался. Он посмотрел в небо, потом на дорогу — к этому времени путники присели отдохнуть на гряде камня.

Наконец он сказал:

— Умный ты парень — умный как черт. Ну, не буду тебе врать. Скучно мне без компании. Один я бродяжить не люблю. Да и живу я тем, что подадут добросердечные дамочки и господинчики, а в таком разе иметь при себе мальчонку оно ох как полезно. Мальчонке-то больше подадут. Да и нравятся мне детишки. Кому, может, и не по душе, а мне нравятся.

Дикий почувствовал, что он не лжет. Но...

— Значит, мы будем попрошайничать? — неуверенно переспросил он.

— Ой, да будет тебе, — сказал человек, — мы просто путешествуем, а если какая добрая душа нам чуть поможет, от этого всем будет только лучше, ежели, конечно, в воскресной школе не наврали. Теперь ты все знаешь. Соглашайся — или уж как хочешь.

Золотые лучи солнца пронзали зеленую изгородь там, где листья лежали неплотно. Птичка прервала свой полет, села передохнуть на ближайшую ветку и закачалась, крепко держась лапками.

Настоящая живая птичка. Дики вспомнил кухню у себя дома, чадящую лампу, грязный стол, очаг, полный золы и грязных клочков бумаги, черствый хлеб, от которого пахло мышами, и воду в подтекающей глиняной чашке. Завтрак, который достался ему наутро после того, как тетка отшлепала его и отправила, плачущего, в постель.

— Я пойду с вами, — сказал он, — спасибо вам большое.

— Но учти, — предусмотрительно произнес мужчина, — я тебя не похищаю. Я тебя силой не тяну. Ты идешь со мной по доброй воле, так?

— О да.

— Писать умеешь?

— Да, — сказал Дики, — если у вас есть ручка.

— Карандаш есть — погоди-ка...

Человек достал из кармана чистый конверт, чистый лист бумаги и новенький карандаш — видно было, что точили его на фабрике. Дики даже подумалось, что человек как будто специально припас все эти принадлежности. Возможно, так оно и было.

— А теперь, — сказал человек, — бери и пиши — вот, клади бумагу на подметку моего башмака.

Он лег на дорогу плашмя и согнул ногу, подставив подошву своего башмака так непринуж-

ОН ЛЕГ НА ДОРОГУ ПЛАШМЯ И СОГНУЛ НОГУ,
ПОДСТАВИВ ПОДОШВУ СВОЕГО БАШМАКА.

денно, словно не было в мире ничего естественнее, чем писать на таком импровизированном столе.

— Пиши за мной слово в слово: «Мистеру Били. Уважаемый сэр, прошу вас взять меня с собой бродяжить. У меня нет родителей, и тревожиться обо мне некому (знаешь, как пишется «тревожиться»? Правильно — я смотрю, ты у нас ученый!), поэтому позвольте мне пойти с вами. (Успеваешь? Ладно, я подожду. Скажи, как можно будет дальше.) Если вы возьмете меня с собой, обещаю отдавать вам все, что заработаю или получу как-нибудь иначе, и быть хорошим мальчиком, и делать все, что вы скажете. И буду вам очень благодарен. Ваш покорный слуга... Как там твое имя?

— Дики Хардинг.

— Вот так и напиши. Готово? Ф-фух, спасибо, что я не стол, а не то целыми днями бы так. А уж ноги-то как затекают!

Он перевернулся, взял лист бумаги и медленно, с трудом прочел написанное. Потом он сложил бумагу и убрал в карман.

— Вот теперь все честь по чести, — сказал он. — Законней не придумаешь, ни один полицейский суд во всей Англии не придерется, да, сэр. Ты уж это запомни.

Для того, кто вырос на Розмари-террас, любое

упоминание о полицейском суде звучит устрашающе. Дики слегка побледнел и сказал:

— Зачем же в суд? Я ничего плохого не делал, разве только написал, как было сказано.

— Нет, нет, дружок, — сказал человек, — ты ничего плохого не сделал; ты все сделал правильно. Просто есть в мире плохие люди — полицейские, да судьи, да всякие разные, — которые, того и гляди, скажут, что я тебя уволок против твоей воли. И за меньшее сажали.

— Но вы же меня не уволакивали, — сказал Дики, — я сам захотел!

— Вот и я о том же, — с удовольствием подтвердил человек. — А теперь, коли уж мы договорились, пришла пора поискать ночлег, а завтра мы с тобою будем спать на ложе под зеленым пологом.

— Я читал про это в книжке, — сказал Дики, совершенно очарованный. — Про Хереварда Бдительного, последнего из англичан. Только я ничуть не понял, как это.

— Это значит — спать под открытым небом, — сказал человек (и не солгал, хотя автор «Хереварда» имел в виду совсем другое), — под кустом, или в стогу сена, или еще как-нибудь, и смотреть на звезды, пока сон не сморит. В хорошую погоду — самое милое дело. Идешь себе, в ус не дуешь, устанешь — передохнешь, а там, глядишь, перепадет что-нибудь

полезное от доброго человека. Вечерком хлебнешь зля в забегаловке и идешь на ложе под зеленым пологом. По субботам лишний раз покормят, а в воскресенье сидишь на месте и стираешь рубаху.

— А приключения у вас бывают? — спросил Дики, узнав в этом рассказе приблизительное описание жизни современного странствующего рыцаря.

— Это уж непременно, то и дело что-нибудь да приключается, — ответил человек. — Вон, в прошлом месяце подошел я с черного хода к какому-то домишке на Саттон-уэй, а у них собака злющая, да как цапнула меня за ногу. А еще я видел слона.

— Дикого? — в полном восторге спросил Дики.

— Не то чтоб дикого, циркового. И здоровенный же! Дикие, небось, и вполовину такие здоровущие не бывают, это уж точно! А нет, так встретишь по дороге солдат или охотников в красных куртках, верхом на конях, и собаки у них все в пятнах, или бывает, едет мотор, да прямо на тебя — тут-то тебе и конец, и глазом моргнуть не успеешь. Приключения, говоришь? Да только успевай уворачиваться!

— Ах, — сказал Дики, и они замолчали.

— Устал? — спросил его наконец мистер Били.

— Так, немножко, — храбро ответил Дики, — ничего.

— Завтра найдем тебе какую-нибудь каталку

на колесиках, — сказал человек, — хоть бы даже и ящик из-под сахара; а ногу твою так подвяжем, чтоб казалось, что тебе ее отрезали.

— Все этот противный башмак, — сказал Дики, — он меня совсем замучил.

— Да сними ты его, — велел человек, — вон, сядь на камень и сними. И второй тоже, коли пожелаешь. По траве босиком оно в самый раз.

Росистая трава приятно гладила и холодила измученную ногу Дики, а когда путники переходили дорогу, по которой незадолго до того проехала подтекающая бочка водовоза, мальчик с удовольствием ощутил, как пальцы ног погружаются во влажную грязь, выдавливая ее наверх. Это было здорово; но не менее приятно было стирать потом эту грязь о влажную траву. Дики навсегда запомнил этот миг. Впервые в жизни ему стало по-настоящему приятно быть чистым. В больнице чистота была почти чрезмерной, и к тому же там тебя мыли чужие руки. В этом и заключалась разница. Однако при воспоминании о больнице Дики вдруг сказал:

— Эх, вот бы сейчас искупаться.

— Будет тебе купанье, — сказал мистер Били, — нынче же вечером вымоешься с ног до головы. Я и сам люблю, когда чисто. Кое-кто, правда, говорит, что грязным оно удобнее, но я не из таких. Про чистого скажут «достойный бедняк», а коли гря-

зен — то «так тебе и надо». Вот погоди, вечером найдем какую-нито бадейку.

— Вы такой добрый, — сказал Дики. — Вы мне нравиться.

Мистер Били посмотрел на него в сгущающихся сумерках, — взгляд его показался Дики каким-то странным, — и вздохнул.

— Эх, да что там — назад пути нет; хочешь одного, а... то есть я хотел сказать, будь хорошим мальчиком, а уж я о тебе позабочусь.

— Я вам верю, — с жаром сказал Дики. — Я же знаю, какой вы хороший!

— Да чтоб мне, — в смятении произнес мистер Били. — Ну, будет. Топай, сынок, топай, не то до самого Рождества не управимся.

Итак, как ты уже догадался, мистер Били вполне может оказаться гадким и жестоким человеком, который хотел заполучить Дики лишь затем, чтобы зарабатывать на нем деньги; может случиться и так, что когда он уведет мальчика подальше от города, то станет обращаться с ним плохо, зная, что тому никто не поможет, — да вдобавок еще и эта подозрительная история с бумагой, конвертом и карандашом, которые как будто были приготовлены заранее! Но может быть и так, что мистер Били хочет Дики добра. Что ж, сейчас ты сам все узнаешь.

— Ну, пришли наконец, — сказал мистер Били,

сворачивая в переулок, где из приоткрытой двери лился гостеприимный желтый свет. — Только помни: что бы я ни сказал, со всем соглашайся. Да не забудь, что ты — мой малец, и зови меня папой.

— Я буду звать вас отцом, — сказал Дики. — Понимаете, папа у меня есть свой.

— Э, — сказал мистер Били, резко останавливаясь, — ты ж сказал, он помер.

— Да, — ответил Дики, — но ведь он все равно остался моим папой.

— Ой, ну ладно, — нетерпеливо сказал мистер Били. И они вошли в дверь.